

*Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большепотый мой...*

О. Мандельштам

«Зачем на пороге новой эры, в самом начале братоубийственного двадцатого века, меня назвали Надеждой?» — так писала Надежда Яковлевна Мандельштам (девичья фамилия — Хазина), русская писательница, мемуарист, лингвист, жена Осипа Мандельштама, рожденная 18 [30] октября 1899 года в Саратове.

«Евреям, участвующим в русском культурном процессе, иудаизм присущ в разных дозах. От напряженного национального самосознания до ассимилированности, более или менее полной. Сложно обстоит с Мандельштамом. Мандельштам мыслит культурами. Иудаизм для него одна из культур (как и католичество, лютеранство), но она на особом положении личного, интимного опыта, уходящего корнями в младенчество. В «Шуме времени» — хаос иудейский или строки:

*И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели —
Черным солнцем осиян.*

Так еврейское начало сознания, переплетаясь с другими, оказывается формотворческим». (Из дневников Лидии Гинзбург, писателя, мемуариста, подруги Н. Я. Мандельштам. В этом же фонде ГАСО хранится Дело о состоящих под надзором полиции бывшем ученике Саратовской гимназии В. М. Чернове и бывшей слушательнице женских курсов А. Л. Гинзбург.)

«Стихи русские, а мозги еврейские», — говорили про Мандельштама. «Шум времени» — четырнадцать коротких эссе — воспоминания о детстве и отрочестве будущего поэта. Одно из них называется «ХАОС ИУДЕЙСКИЙ»: «В Петербурге есть еврейский квартал: он начинается как раз позади Марининского театра, там, где мерзнут барышники, за тюремным ангелом сгоревшего в революцию Литовского замка. Там, на Торговых, попадаются еврейские вывески с быком и коровой, женщины с выбивающимися из-под косынки накладными волосами и семенящие в сюртуках до земли многоопытные и чадолюбивые старики. Синагога с коническими своими шапками и луковичными сферами, как пышная чужая смоковница, теряется среди убогих строений. Бархатные береты с помпонами, изнуренные служки и певчие, гроздья семисвечников, высокие бархатные камилавки. Еврейский корабль, с

звонкими альтовыми хорами, с потрясающими детскими голосами, плывет на всех парусах, расколотый какой-то древней бурей на мужскую и женскую половину. Заблудившись на женских хорах, я пробирался, как тать, прячась за стропилами. Кантор, как силач Самсон, рушил львиное здание, ему отвечали бархатные камиллавы, и дивное равновесие гласных и согласных, в четко произносимых словах, сообщало несокрушимую силу песнопениям». Еврейские патронимические фамилии могли образовываться при помощи форманта *-штам* (ствол), например, такая фамилия, как Мандельштам. Еврейская фамилия Мандельштам переводится с идиш как «ствол миндаля».

Фамилия Хазин произошла от ивритского слова «хазан», обозначающее кантора — человека, совершающего молитву в синагоге от имени собравшихся, хотя сам Яков Хазин в Саратове в синагогу не ходил.

Яков Аркадьевич Хазин, сын ямпольского купца Хаима-Арона Хазина, выпускник Санкт-Петербургского университета по юридическому и математическому факультетам, кандидат юридических и математических наук, был присяжным поверенным. Поскольку Я. А. Хазин принял православие, а его невеста Ревекка Яковлевна Рахлина была записана по иудейскому вероисповеданию, их гражданский брак был заключен во Франции.

В конце XIX — начале XX века в Саратове было две синагоги на несколько тысяч евреев, проживавших здесь в то время. Одна синагога была ашкеназской (литовского направления), другая — хасидского направления. Обе синагоги находились почти в центре города: хасидская располагалась на улице Цыганской (ныне ул. Кутякова); ашкеназская же синагога была открыта в 1897 году на Староострожной улице (сейчас это ул. Гоголя).

Фамилия Рахлин принадлежит к так называемым «матронимическим» еврейским фамилиям, образованным от личных женских имен. Большое количество подобных фамилий возникло в связи с тем, что с древних времен статус женщины в иудаизме был значительно выше, чем у других народов. (По еврейской традиции во многих молитвах принято называть того, о ком молятся, по имени матери, а не отца: «Авраам сын Рахели» или «Ханна дочь Ривки» и т. п.) В XVIII–XIX веках у евреев, особенно в Европе, женщины играли в обществе более активную роль, чем у их христианских соседей. Кроме того, в некоторых семьях женщины исполняли роль главы семейства, и все домочадцы «приписывались» именно к матери. Как правило, речь шла о семьях, где из поколения в поколение женщины были активными и самостоятельными. Фамилия Рахлис произошла от танахического женского имени Рахель. Рахель в Торе — жена Иакова, одна из четырех праматерей еврейского народа.

С мужем Ревекка, возможно, познакомилась еще в Петербурге, когда училась на врача на Высших женских медицинских курсах при Медико-хирургической академии, первых в России. В голодный 1891 год ее, как дипломированного врача, посылали на помощь голодающим крестьянам Поволжья. «Моя мать, мобилизованная как врач во время одного из дореволюционных голодов в Поволжье для помощи деревне, рассказывала, что во всех избах лежали, не двигаясь, даже там, где еще был хлеб и не замечалось тяжелого голодного истощения», — писала Надежда в «Воспоминаниях».

В 1897 году был крещен пятилетний сын Хазиных Александр. Родители покинули Умань и с 1897 года поселились в Саратове, где отец получил место присяжного поверенного округа Саратовской судебной палаты. (Любопытно, что в ГАСО в фонде 7 Саратовской судебной палаты за 1902 год хранится «Дело о состоящем под негласным надзором полиции Московском мещанине Мандельштаме».) В списках Царицынского Генеалогического Общества: Рахлина-Хазина Ревекка Яковлевна

(род. 1863) — женщина-врач (окончила курс в 1886 году; специализация — гинекология), в 1904 году — вольнопрактикующий врач, живет в г. Саратове.

Адрес-календари сохранили три адреса семьи Хазиных в Саратове: 1898 год — угол Полицейской (Октябрьской) и Царицынской (Первомайской), дом Жарова (или Жаровой), 1900 — Малая Сергиевская (Мичурина), дом Образцова, рядом с Реальным училищем (13-я школа), 1902 — Малая Казачья (Яблочкова), дом Медведева, 38. Вера Яковлевна принимала больных по домашним адресам с двенадцати часов дня до двух.

Неизвестно, посещала ли Рахлина-Хазина синагогу. Известно только, что она родила в Саратове девочку Надю, последнего ребенка в семье, недалеко от Волги, вблизи нынешней улицы Челюскинцев (Часовенной), где почти десятилетием ранее, двадцатого сентября 1890 года, в доме 134, в семье кантониста, позже вятского купца и участника обороны Севастополя Исаия (Исера-Лейба) Иосифовича Блювштейна (1833, Полтава — 1923, Тель-Авив) и Софии Эммануиловны Мандельштам (дальней родственницы Осипа Мандельштама) родилась будущая израильская поэтесса Рахель (Блувштейн).

Легенда рода Мандельштамов рассказана в предисловии к книге ивритской поэтессы Рахель во вступительной статье Ури Мильштейна. Он пишет, что один из членов семьи Мандельштам, как говорят, составил генеалогическое древо семьи с XI века и выяснил, что они — потомки РАШИ (Рабби Шломо Ицхак — величайший комментатор Талмуда и Писания) и, согласно еврейской традиции, соответственно, Царя Давида. Этот знаменитый раввинский род действительно ведет свою родословную от рабби Соломона, зятя РАШИ (1040–1105), тот, в свою очередь, связан с великими учителями начала тысячелетия, а через них род восходит с отцовской стороны к библейскому колену Вениаминову — одному из двенадцати Колен Израилевых, а с материнской к Сефатии, дочери Авитали, жене царя Давида. Дед Софии — Элизер Дилон — был советником царя Александра I во время войны 1812 года по еврейскому вопросу. Дед Рахели со стороны матери был главным раввином Риги, затем Киева.

...Рахель выросла в Полтаве, где училась в еврейской школе с преподаванием на идише и русском языке, брала первые частные уроки иврита; там же познакомилась с В. Г. Короленко. С пятнадцати лет начала писать стихи по-русски. Окончив школу, Рахель вместе с сестрой Шошаной уехала учиться в Киев. Рахель — живописи (возможно, у Александры Экстер, у которой позже училась Надя Хазина), Шошана — литературе и философии. В Палестине поэтесса Рахель переводила русских классиков — Пушкина, Есенина, Ахматову, ее величали «ивритской Ахматовой и Цветаевой». Во время Первой мировой войны работала с детьми еврейских беженцев в Саратове, была учительницей, затем жила у родных в Одессе, заразилась туберкулезом легких, что впоследствии стало причиной ее ранней смерти — шестнадцатого апреля 1931 года (Тель-Авив, Палестина). Пятнадцатого апреля 2005 года в Саратове открылся еврейский образовательный центр «Бэйт Рахель», что в переводе с иврита означает «Дом Рахель».

*В сердце — лад.
Солнца взгляд —
что на рану бальзам.*

Рахель. Спокойное счастье

...Еще раньше в 1870-х годах жила в Саратове будущая «Королева символизма» Зинаида Гиппиус, чей отец служил товарищем прокурора Саратовской судебной коллегии. «Я с детства ранена смертью и любовью», — позже признавалась

Гиппиус. Александр Куприн писал о ней: «Воспитывалась Зинаида Гиппиус на русской культуре, но весьма подпорченной жидами и «жидовствующими интернационалистами». А Гиппиус ему оппонировала: «Должна оговориться, что я была несколько не «испорчена» и очень «религиозна» при всем этом...»

*Он с нами плакал — Повелитель
И суши, и морей.
Он царь и брат нам, и Учитель,
И Он — еврей.*

Зинаида Гиппиус

...Младшая дочь Хазина Надежда унаследовала от отца роскошный математический лоб, а от матери — поразительно красивые пепельные волосы и чистую кожу. И от обоих — прекрасно подвешенный и очень острый язык.

*И холодком повеяло высоким
От вытукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.*

О. Мандельштам

Отец, Яков Аркадьевич Хазин, высокий, прямой и кареглазый, носил сюртуки одинакового покроя и звал свою пепельноволосую младшую дочку почему-то «рыжиком». Надя была четвертым и последним ребенком в семье: двое старших были голубоглазыми, а двое младших — кареглазыми. Самой старшей была сестра Аня, родившаяся в 1888 году. Анна Яковлевна, по воспоминаниям Надежды, была с большими странностями, ни с кем не разговаривала, всех дичилась, как будто боялась, стеснялась. Она жила в Петрограде нищей приживалкой в квартире дяди и умерла от рака в июне 1938 года, в один год с Осипом Мандельштамом и его отцом.

Обоих Надиных братьев звали в точности так, как и двух мандельштамовских, — Шура и Женя! Свой бойцовский характер Надя закаляла в непрестанных битвах и драках с братьями, так и норовившими поиграть ею в футбол или посадить на шкаф. Братья были погодками, 1892 и 1893 годов рождения.

Уклонившись от петлюровской мобилизации, оба добровольно пошли в Белую армию. Старший, Александр, самый любимый, выпускник Первой киевской гимназии и петербургского юрфака, бежал от большевиков на Дон и — предположительно — погиб уже в 1920 году.

Отец, Яков Хазин, сын кантониста и убежденный атеист, под влиянием семейной кухарки Дарьи (Надина нянька, водившая ее по храмам) исправно соблюдал православные посты. В детстве его младшая дочь была крещена. Символично стихотворение 1920 года Осипа Мандельштама на эту тему «Вернись в смесительное лоно...»

*Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лия, ты пришла,
За то, что солнцу Илиона
Ты желтый сумрак предпочла.
Иди, никто тебя не тронет,
На грудь отца в глухую ночь
Пусть главу свою уронит
Кровосмесительница-дочь.*

*Но роковая перемена
В тебе исполниться должна:
Ты будешь Лия — не Елена!
Не потому наречена,
Что царской крови тяжелее
Струится в жилах, чем другой, —
Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем — и Бог с тобой.*

(«Евреев же он ощущал, как одну семью — отсюда тема кровосмесительства», — позже вспоминала Надежда Яковлевна, говоря об этом стихе Мандельштама. Его отец был прирожденным мыслителем — смесь талмуда и немецкой философии.)

Яков Аркадьевич был человеком мягким и податливым, любил присесть на корточки и раздвинуть руки, чтобы обнять сразу всех вернувшихся с прогулки детей. У него, по воспоминаниям дочери, «не было повелительных интонаций».

В детстве Надежда несколько раз посещала вместе с родителями страны Западной Европы — Германию, Францию и Швейцарию, где, играя с детьми, она легко входила в стихию чужого языка. «Мать подарила мне очень милые чемоданы и сундучок с наклейками европейских отелей. Чемоданы ушли к сапожникам, которые шили нам сапоги из жесткой чемоданной кожи. По тем временам это было роскошью, и мы одно время щеголяли в светло-желтых чемоданных обувках».

От Саратова, а точнее от Волги, у старшего Хазина на всю жизнь остались неодолимая кулинарная страсть к осетрине и еще своеобразная смесь барства с кротостью и скупостью (его любимая шутка: «У меня нет богатого отца»).

В 1902 году семья переехала в Киев, где двадцатого августа того же года отец был записан присяжным поверенным округа Киевской судебной палаты. Известно, что «крепкая киевская семья» Хазиных проживала перед Первой мировой войной на Крещатике, 15. В то время, как землячка Рахель уезжает на землю обетованную, а Михаил Булгаков оканчивает Первую киевскую мужскую гимназию в 1909 году, Надя поступает в частную женскую гимназию Аделаиды Жекулиной (урожденная Евреинова, 1866–1950) на Большой Подвальной, дом 36. Особенностью гимназии Жекулиной было обучение девочек по программе мужских гимназий. Успешно сдав вступительные испытания (сохранился листок с записью о поступлении Н. Хазиной в гимназию: пятерки по закону Божьему, по русскому и немецкому языкам, четверка по математике), Надежда тем не менее училась средне. Она имела оценку «отлично» по истории, «хорошо» — по физике и географии и «удовлетворительно» по иностранным языкам (латинский, немецкий, французский, английский). Параграф 130 Устава гимназии, в частности, гласил: «Только ученики, окончившие курс учения в гимназиях, или имеющие свидетельство о знании полного курса сих гимназий, могут поступать в студенты университетов».

Гимназисткой Надежда видела царский проезд. Глядя на царевича и четырех царевен (средняя, Мария, была ее ровесницей), она вдруг осознала, что сама гораздо счастливее этих несчастных девчонок: «Ведь я могу бегать с собаками по улице, дружить с мальчишками, не учить уроков, озорничать, поздно спать, читать всякую дрянь и драться — с братьями, со всеми, с кем захочу... С боннами у меня были очень простые отношения: мы чинно выходили из дому вместе, а затем разбегались в разные стороны — она на свиданье, а я к своим мальчишкам — с девочками я не дружила — с ними разве подерешься как следует! А эти бедные царевны во всем связаны: вежливы, ласковы, приветливы, внимательны... Даже подражаться нельзя... Бедные девочки!»

Это был 1911 год. В конце августа император Николай II с семьей и приближенными, в том числе и зарубежными гостями (в их числе наследник болгарского престола Борис), находились в Киеве по случаю открытия памятника Александру II в связи с пятидесятилетием отмены им крепостного права. Первого сентября 1911 года император, его дочери и приближенные министры присутствовали на спектакле «Сказка о царе Салтане» в городском театре Киева. На председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина, бывшего саратовского губернатора, было совершено покушение секретным сотрудником Охранного отделения (агентурный псевдоним Аленский), выпускником первой киевской гимназии, сыном присяжного поверенного и крупного домовладельца, состояние которого оценивалось в полмиллиона рублей, Дмитрием Богровым, российским анархистом еврейского происхождения...

Яков Аркадьевич любил рассказывать об этом случае, и его зять Осип Манделштам весной 1929-го даже собирался написать четырехлистную повесть «Фагот», в основу повествования которой положена «семейная хроника». Отправная точка — Киев эпохи убийства Столыпина. Присяжный поверенный, ведущий дела крупных подрядчиков, его клиенты, мелкие сошки, темные люди даны марионетками: на крошечной площадке с чрезвычайно пестрым социальным составом героев разворачивается действие эпохи — специфический воздух «десятих годов». Главный персонаж — оркестрант киевской оперы — «фагот». В конце жизни, ощутив на самом себе всю силу «советского», а не «римского» права (он проиграл ЧК суд из-за собственной квартиры), Я. Хазин оставил юриспруденцию и переключился на свою «первую любовь» — математику, всю жизнь остававшуюся его тайной и недостижимой мечтой. Все приговаривал: «Больше шестнадцати часов в сутки я работать не могу». Умер Яков Аркадьевич Хазин восьмого февраля 1930 года.

После окончания гимназии Надежда поступила на юридический факультет университета Святого Владимира в Киеве, однако учебу бросила. В годы революции училась в мастерской известной художницы А. А. Экстер (в девичестве Григорович) — русско-французская художница-авангардистка (кубофутуризм, супрематизм), график, художница театра и кино, дизайнер. Представительница русского авангарда, одна из основоположниц стиля ар-деко. Училась также у неоклассика М. Бойчука, репрессированного и обвиненного в «буржуазном национализме» (расстрелян в Киеве тринадцатого июля 1937 года). Жена художника также расстреляна в 1937 году. У художника-портретиста Александра Мурашко (Крачковского). В 1913 году он открыл собственную студию в Киеве на чердаке двенадцатиэтажного дома Гинзбурга на Институтской улице, откуда вышли знаменитые живописцы и скульпторы — Ниссон Шифрин (1892–1961), Борис Аронсон (1900–1980), Александр Тышлер (1898–1980), Соломон Никритин (1898–1965), Марк Эпштейн (1899–1949), Барух Гольдфайн, Иссахар-Бер Рыбак (1897–1935). Июньской ночью 1919 года Мурашко возвращался из гостей с женой Маргаритой — дочерью киевского нотариуса Августа Крюгера. Его остановили трое, жену заставили уйти. Неподалеку от дома художника убили — выстрелом в затылок.

Наследуя своему учителю Илье Репину, Александр Александрович Мурашко создал картину «Кафе», которая выполнена в лучших традициях передвижников. Фактически это небольшая новелла в живописи о судьбе молодой привлекательной женщины, которой суждено быть приманкой для богатых клиентов. Возможно, такое арт-кафе, работавшее в начале XX века в Киеве в подвале гостиницы «Континенталь» на углу Крещатика и улицы Николаевской, 5, стало литературно-артистическим клубом Х. Л. А. М. На квадратной вывеске-эмблеме «ХЛАМа» был изображен летящий человек в ультрамариново-синем и розово-серебряном пространстве. Поэты декламировали свои и чужие стихи, за что они получали

бесплатный ужин, который состоял из каши, куска хлеба и чая. Как писал Леонид Утесов (настоящее имя Лазарь (Лейзер) Иосифович Вайсбейн) в своих воспоминаниях: «Киев жил так же, как Одесса, — тяжело и голодно. Вечером мы отправились в рекомендованное нам местной интеллигенцией кафе под странным названием «ХЛАМ», что означало «Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты». В этом кафе, как и в других, ни спаржей, ни омарами не кормили — морковный чай с монпансье. Черный хлеб посетители принесли с собой. Самой главной достопримечательностью этого кафе была надпись на фронтоне: «Войдя сюда, сними шляпу, может быть, здесь сидит Маяковский». Но в этом кафе по вечерам сидели и выступали: Илья Эренбург, Константин Паустовский, Юрий Терапиано, Александр Рафаилович Кугель, Николай Николаевич Евреинов, Владимир Моисеевич Ярошенко, Валентин Иосифович Стенич, Виктор Борисович Шкловский, Павел Давидович Герман, Юлий Абрамович Хайт и многие другие.

В «ХЛАМ» Надю привел ее старший брат Евгений (1894–1974), в будущем писатель, очеркист, историк литературы, которого вскоре все стали называть «братом Нади Хазиной». Коротко стриженная, озорная, дерзкая, бесстрашная Надя быстро стала душой компании. Илья Эренбург, увидев ее, шепнул ей на ушко, что она похожа на женщин с полотен немецкого живописца эпохи Ренессанса Лукаса Кранаха.

В 1918–1919 годах она входила в круг (по ее выражению — «табунок») киевской богемно-артистической молодежи, по определению революционной и экстремально левой. Леваки в искусстве делали примерно то же, что большевики в политике и общественном устройстве. Членами «табунка» были А. Тышлер, Р. Фальк, Б. Лившиц, А. Дейч, М. Эпштейн и другие. На протяжении всей жизни Надя обращалась на «ты» лишь к друзьям своей киевской молодости, к «жеребцам» и «кобылкам» из этого «табунка», да еще к Эренбургу. «Кобылками» были Люба Козинцева, Соня Вишневецкая, занимавшиеся, как и Надя Хазина, живописью, и Катя Скачкова-Гуриновская, выбравшая стезю балерины и учившаяся в классе Брониславы Нижинской, актрисы Мариинского театра, а затем дягилевской труппы, сестры знаменитого танцовщика. Зимой 1920 года Катя познакомилась со своим будущим мужем «жеребцом» Бенедиктом Лившицем. Бенья Лившиц из семьи одесского негодянта, купца второй гильдии Нахмана Моисеевича Лившица, четырнадцатого марта 1914 года принял православие в церкви иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость». Двадцать пятого октября 1937 года арестован; обвинение было предъявлено по статьям 58-8 и 58-11 «за участие в антисоветской право-троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации». Двадцать первого сентября 1938 года расстрелян по ленинградскому «писательскому делу». Была репрессирована его жена Катерина Лившиц. Добываясь от Е. Л. самоговора, следователь Ефимов бил ее на допросах и плевал в лицо... «Эта трогательная красotka, маленькая луна, ветерок, Таточка, балеринка без балета, похоронившая всех своих близких», — писала о ней Надежда Мандельштам, дивившаяся мужеству этой хрупкой женщины.

*Но нет, не общая природа
У слуг и у врагов народа:
«Я с мертвыми — не развожусь!»*

Их сын Кирилл воевал на фронте — матросом Волжской флотилии — и семнадцатого октября 1942 года погиб под Сталинградом, попав под бомбежку. Похоронен на Мамаевом кургане.

Русский поэт, прозаик, переводчик и литературный критик «первой волны» эмиграции, организатор и участник ряда литературных объединений Парижа Юрий

Константинович Терапиано вспоминал во «Встречах» (издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1953 г.): «Бenedикт Лившиц, киевлянин, учившийся в Петербурге, был уже «настоящим поэтом»: он печатался в «Аполлоне», лично знал многих петербургских знаменитостей, выпустил в Петербурге книгу стихов «Флейта Марсия» и готовил вторую книгу — цикл стихов о Петербурге «Болотная Медуза»: ...Лети, лети на темном звере, / Ты, наездник с бешеным лицом, / Уже вскипает левый берег / Зимнедворцовым багрецом... Бритый, с римским профилем, сдержанный, сухой и величественный, Лившиц в Киеве держал себя как «мэтр»: молодые поэты с трепетом знакомились с ним, его реплики и приговоры падали, как нож гильотины: «Гумилев — бездарность». «Брюсов — выдохся». «Вячеслав Иванов — философ в стихах». Он восхищался Блоком и не любил Есенина. Лившиц пропагандировал в Киеве «стихи киевлянки Анны Горенко» — Ахматовой — и Осипа Мандельштама. Портрет Лившица оставил Александр Дейч: “Когда я вспоминаю о молодом Б. Лившице, передо мною отчетливо встает облик высокого красивого молодого человека с открытым мужественным лицом и приятным баритональным голосом”».

Юрий Терапиано вспоминал, как «однажды днем (днем в «Хламе» можно было получать кофе и кое-какую еду, но столики обычно пустовали) я заметил единственного, кроме меня, посетителя. Невысокий человек, лет 35-ти, с рыжеватыми волосами и лысинкой, бритый, сидя за столом, что-то писал, покачиваясь на стуле, не обращая внимания на принесенную ему чашку кофе. «Поэт, — решил я, — но кто?» В это время в «Хлам» вошел Маккавейский. Я поделился с ним моими наблюдениями. Решительный в таких случаях, с обычной своей изысканной любезностью, Маккавейский представился. — Осип Мандельштам, — последовал ответ незнакомца. Через несколько минут разговор уже шел о стихах; точнее, Маккавейский говорил и задавал вопросы. Он обладал даром заводить новые знакомства. Оказалось, только что приехав в Киев (подкормиться, на севере — голодно), Мандельштам пошел осматривать город и случайно забрел в «Хлам»...»

Первого мая 1919 года в киевском кафе «Х. Л. А. М», находившемся в подвале той самой гостиницы «Континенталь», где жил Мандельштам, праздновалось двадцатипятилетие Александра Дейча, критика и переводчика, и все из того же киевского «табунка». («...Маленький, с волосами, торчащими ежиком, в старомодных овальных очках, бархатной блузе темно-зеленого цвета, с небрежно повязанным галстуком»). Мандельштам спустился вниз и был немедленно приглашен присоединиться к компании, дружно шумевшей за составленными столиками. За одним из столиков сидела и Надя Хазина, та самая юная художница из театра, скидывавшая иногда в его сторону прекрасные и полные насмешливого любопытства карие глаза.

Мандельштама попросили почитать стихи — и поэт, обычно на публике капризный и заставляющий себя уговаривать, тут же и охотно согласился: «Читал с закрытыми глазами, плыл по ритмам... Открывая глаза, смотрел только на Надю Х.». Смотрела на него и она — зрочки в зрочки, дерзко и загадочно улыбаясь...

Разгоряченные, они вышли на улицу (оба курили) — и за столики уже не вернулись. Всю ночь гуляли по притихшему после праздника городу, вышли по Крещатику на Владимирскую горку и, забыв о гипсовых идолах и о вполне реальных бандитах и страхах, кружили аллеями по-над Днепром, встречали рассвет над Трухановым островом. И, не умолкая, говорили — обо всем на свете.

Точь-в-точь, как почти десятилетие назад гуляли по Киеву влюбленные гимназисты Михаил Булгаков и саратовчанка Тася Лаппа.

— Этот мальчик покажет тебе Киев, — сказали старшие. И гимназисты пошли гулять по Киеву: вот Киево-Печерская лавра, Александровская гимназия, любимый Михаилом Булгаковым городской театр, в котором он не раз слушал оперы «Фауст»,

«Аида», «Руслан и Людмила». Зашли в кафе-кондитерскую Франсуа. Миша показал собранные им красочные программки спектаклей, поставленных режиссером Поплавским (персонаж «Мастера и Маргариты» Поплавский — экономист-плановик из Киева), пропел ей «Севильского цирюльника», прочитал свой первый рассказ «Похождение светляка». Тася влюбилась во всесторонне одаренного юношу: поэта, карикатуриста, пианиста и прелестного рассказчика.

...Пробирал холод, и мандельштамовский пиджак перекочевал на Надины плечи. Но со своей задачей не справлялся и как надо не грел. Надежда Мандельштам вспоминала об этом так: «В первый же вечер он появился в «Хламе», и мы легко и бездумно сошлись...» В 1973 году в телевизионном интервью Надежда Мандельштам расскажет о той первой встрече. Уже в первую ночь она и Осип оказались в постели. «Это произошло само собой (it simply happened so)», — скажет она по-английски с невероятным русским акцентом. И далее: «Мы были началом сексуальной революции. Нам нечего было терять». Революция принесла с собою новую мораль, которой определялись отношения между полами, пока через несколько лет ее не задушила ханжеская государственная идеология. Хорошо известны слова революционерки Александры Коллонтай, борющейся за права женщины: совершить любовный акт — не более чем выпить стакан воды.

Начало романа известного поэта с молодой художницей зафиксировал в своем дневнике литературовед А. И. Дейч: «Появилась явно влюбленная пара — Надя Х. и О. М. Она с большим букетом водяных лилий, видно, были на днепровских затонах».

Второго мая в греческой кофейне, неподалеку от «ХЛАМа», их «благословил» Владимир Маккавейский, ближайший Надин друг и поэт из семьи богослова: большего для освящения таинства любви между евреем, окрещенным методистом (в мае 1911 года Мандельштам крестился в методистской церкви в Выборге), и еврейкой, крещенной в православии, явно не требовалось.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Сим свидетельствую, что Иосиф Эмильевич Мандельштам, родившийся в Варшаве 8/20 января 1891 г., после произведенных над ним постановленных согласно Св. Евангелию допросов, касающихся веры и обязанностей христианина, окрещен сего дня нижеподписавшимся настоятелем Н. Розеном Епископско-Методистской церкви, находящейся в г. Выборге, Финляндия.

С первого мая 1919 года Мандельштам связан с еврейской девушкой Надей Хазиной. Пятого декабря 1919 года он пишет ей из Феодосии в Киев: «Надюша, мы будем вместе, чего бы это ни стоило, я найду тебя и для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, сама того не зная...»

«...Мы «обвенчались», то есть купили возле Михайловского монастыря два синих колечка за два гроша, но, так как венчание было тайное, на руки их не надели. Он носил свое колечко в кармане, а я — на цепочке, припрятав на груди.

Так начался наш брак или грех, и никому из нас не пришло в голову, что он будет длиться всю жизнь».

...В конце февраля — начале марта 1922 года в Киеве Надя Хазина и Осип Мандельштам зарегистрировали свой брак: шафером на их свадьбе был Бен Лившиц. Надежда, в свою очередь, летом 1926 года в Царском, в Лицейской церкви, была крестной матерью у сына Лившица Кирилла (Кики).

Наде было девятнадцать лет и девятнадцать лет они прожили вместе до того дня, как второго мая 1938 года в снежной западне в Саматихе, ровно в девятнадцатую годовщину киевской «помолвки», их разбудили энкавэдэшники и разлучили уже навсегда. «Ночью в часы любви я ловила себя на мысли — а вдруг сейчас

войдут и прервут? Мандельштама, подталкивая в спину, увели, а все его бумаги покидали в мешок: «Мы не успели ничего сказать друг другу — нас оборвали на полуслове и нам не дали проститься». В сентябре Мандельштам вместе с другими осужденными по 58-й статье в вагоне товарного поезда двигался по направлению к пересыльному лагерю во Владивостоке. На краю земли эшелон остановился. Утро двенадцатого октября 1938 года. Последний тупик под названием «19-й километр».

Надежда Яковлевна стала как бы живым продолжением пера или голоса своего мужа: записывала под его диктовку и стихи, и прозу или же переписывала их набело. «Стихи, как всегда, сочинялись в голове. В музее же я их записала под его диктовку. Вообще, женившись, он ужасно разленился и все норовил не записывать самому, а диктовать».

Каждое утро О. М. садился к столу и брал в руки карандаш: писатель как писатель. Просто Федин какой-то... Я еще ждала, что он скажет: «Каждый день хоть одну строчку», но этого, слава Богу, не случилось... Посидев с полчаса в писательской позе, О. М. вдруг вскакивал и начинал проклинать себя за отсутствие мастерства...»

«Н. Х.», то есть Наде Хазиной, посвящена не только «Черепеха», но и вся «Вторая книга» (1923), а также несколько более поздних стихотворений Мандельштама. В 1923 году выходит «Вторая книга» и с общим посвящением «Н. Х.» — жене.

*И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневым нежный рот.*

Помогала она мужу и в переводной работе (особенно при переводах с английского), нередко переводила и сама. Лидия Гинзбург в «Человеке за письменным столом» давала такой портрет поэту: «Мандельштам невысок, тощий, с узким лбом, небольшим изогнутым носом, с острой нижней частью лица, с взглядом, напряженным и как бы не видящим пустяков. Он говорит, поджимая беззубый рот, певуче, с неожиданной интонационной изысканностью русской речи. Он переполнен ритмами, как переполнен мыслями и прекрасными словами. Читая, он покачивается, шевелит руками; он с наслаждением дышит в такт словам — с физиологичностью корифея, за которым выступает пляшущий хор. Он ходит смешно, с слишком прямой спиной и как бы приподнимаясь на цыпочках. Ему не совладать с простейшими аксессуарами нашей цивилизации. Его воротничок и галстук — сами по себе. Что касается штанов, слишком коротких, из тонкой коричневой ткани в полоску, то таких штанов не бывает. Эту штуку жене выдали на платье». Шутка со штанами повторяется во многих воспоминаниях людей, знавших Мандельштамов. Так, дочь Шкловского Варвара Викторовна Шкловская-Корди вспоминает о приезде молодой пары в их дом, «когда Мандельштам привез Наденьку из Киева, при этом он держал в руке шляпу, закрывая прореху на штанах. Мама сказала: «Осип Эмильевич, снимите брюки, сейчас я вам все зашью». Надя возразила: «Ни в коем случае! Он тогда поймет, что это можно зашивать!» Шкловская же повторяла, что брюки Осипу давали Гумилев и Катаев, а Горький выдал ему свитер. Ирина Одоевцева иронично замечает, что моду на брючный костюм ввела не Марлен Дитрих, как многие полагают, а Надежда Мандельштам. Правда, «ее смелое новаторство не было оценено ни Москвой, ни даже собственным мужем. “Опять ты, Надя, мой костюм одела? Я же не ряжусь в твои платья?”».

С этого времени Осип и Надежда стали почти неразлучны. Жена сопровождала поэта практически во всех его поездках по стране, включая такие специфические путешествия за казенный счет, как ссылки в Чердынь и Воронеж.

Но один эпизод едва не завершился трагически для их союза — это история с Лютиком, или Ольгой Ваксель. Праправнучка главного редактора газеты «Саратовский справочный листок» Александра Ротчева Ольга Ваксель (в детстве ее звали «Лютик») была красива. Светло-каштановые волосы, зачесанные назад, темные глаза, большие брови. Рано проявила художественные и музыкальные способности, начала учиться рисованию, игре на рояле и скрипке, очень много читала. Она отличалась замкнутостью и мечтательностью. После окончания Екатеринбургского института осенью 1920 года Ольга записалась на ораторское отделение вечерних курсов Института Живого слова, где начала заниматься в кружке молодых поэтов, руководимом Н. С. Гумилевым. В производственной студии «ФЭКС» — «Фабрика эксцентрического актера» встречается с Осипом Мандельштамом и его женой Надеждой Яковлевной. Осип Эмильевич был буквально ослеплен начинающей поэтессой. Из тринадцатилетнего, четырнадцатилетнего подростка, каким поэт ее запомнил в доме Волошина, она превратилась в гармонично-красивую женщину, которая очаровывала поэтичностью и одухотворенностью облика, естественностью и простотой обращения. В 1932 году Ольга Ваксель вышла замуж за норвежского дипломатического работника — вице-консула норвежского консульства в Ленинграде Христиана Иргенс-Вистендаля (1903–1934). Христиан увез ее на свою родину в город Осло. В доме Вистендалей она была окружена заботами и вниманием всех родных и друзей Христиана, но, прожив там всего три недели, в приступе острой ностальгии двадцать шестого октября 1932 года застрелилась. Мандельштам откликнулся стихами.

*...Я тяжкую память твою берегу,
Дичок, медвежонок, Миньона.
Но мельниц колеса зимуют в снегу
И стынет рожок почтальона.*

В 1922 году О. М. знакомит Надю Х. с Цветаевой, а в 1924 году, в Царском Селе, с Ахматовой. Дружба с Анной Ахматовой, тогда начавшись, не прекращалась до самой смерти Надежды Мандельштам. Ахматова, у которой репрессиям были подвергнуты трое близких ей людей: первый муж, Николай Гумилев, расстрелянный в 1921 году; третий муж, Николай Пунин, был трижды арестован и погиб в лагере в 1953 году; единственный сын, Лев Гумилев, провел в заключении в 1930–1940-х и в 1940–1950-х годах более десяти лет, была свидетелем первого ареста Осипа шестнадцатого мая 1934 года (опять этот злосчастный май!). «Приезжая, Анна Андреевна останавливалась у нас в маленькой кухоньке — газа еще не провели, и я готовила нечто вроде обеда в коридоре на керосинке, а бездействующая газовая плита из уважения к госте покрывалась клеенкой и маскировалась под стол. Так кухня стала капищем, и мы сидели там вдвоем, когда внезапно около часа ночи раздался отчетливый, невыносимо выразительный стук. «Это за Осей», — сказала я и пошла открывать. За дверью стояли мужчины — мне показалось, что их много, — все в штатских пальто. На какую-то ничтожную долю секунды вспыхнула надежда, что это еще не то: глаз не заметил форменной одежды, скрытой под коверкотовыми пальто. В сущности, эти коверкотовые пальто тоже служили формой, только маскировочной, как некогда гороховые, но я этого еще не знала. Надежда тотчас рассеялась, как только незваные гости переступили порог. Не спросив ни о чем, ничего не дожидаясь, не задержавшись на пороге ни единого мига, они с неслыханной ловкостью и быстротой проникли, отстранив, но не толкнув меня, в переднюю, и квартира сразу наполнилась людьми. Уже проверяли документы и привычным, точным и хорошо разработанным движением гладили нас по бедрам,

прошупывая карманы, чтобы проверить, не припрятано ли оружие. Из большой комнаты вышел О. М. «Вы за мной?» — спросил он. Невысокий агент, почти улыбувшись, посмотрел на него: «Ваши документы». О. М. вынул из кармана паспорт. Проверив, чекист предъявил ему ордер. О. М. прочел и кивнул».

После гибели мужа Надежда Яковлевна, опасаясь ареста, несколько раз меняет место жительства. Кроме того, она посвящает свою жизнь сохранению поэтического наследия мужа. Опасаясь обысков и ареста вместе с рукописями Осипа Манделъштама, она заучивает его стихи и прозу наизусть. Сорок три года Надежда носила их в себе, как ребенка, не рожденного от Осипа Манделъштама, считая «будто для него смерть не конец, а как бы оправдание жизни».

«Я прошу Будущее навечно, то есть пока издаются книги и есть читатели этих стихов, закрепить права на это наследство. Такова моя воля, и я надеюсь, что Будущее, к которому я обращаюсь, уважит ее хотя бы за то, что я отдала жизнь на хранение труда и памяти погибшего». Прощаясь с Осипом в 1918 году, Надя подарила ему свою гимназическую фотографию с надписью на обороте: «Дорогому Осе, на память о будущей встрече». И вот это будущее пришло.

«Ося! Родной, далекий друг. Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память. Осюша! Наша детская с тобой жизнь — какое это было счастье! Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу? Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные, бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры? Помнишь, как хорош хлеб, когда он достался чудом, и его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже? Наша счастливая нищета и стихи. Я помню, мы шли из бани, купив не то яйца, не то сосиски. Ехал воз с сеном. Было еще холодно, и я мерзла в своей куртке. Так ли нам предстоит мерзнуть? Я знаю, как тебе холодно. И я запомнила этот день. Я ясно, до боли, поняла, что эта зима, эти дни, эти беды — это лучшее последнее счастье, которое выпало на нашу долю».

Ответ оттуда может прийти только стихами любимого:

*Жил Александр Герцович,
Еврейский музыкант, —
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант...*

*Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
А там — вороньей шубою
На вешалке висеть...*

«Если верить Пушкину, его душа «вкушает хладный сон». Щуплый, маленький, с закинутой назад головкой, на которой волосы встают хохолком, он важно запекает баском свои торжественные оды, похожий на молоденького петушка, но, безусловно, того, что пел не на птичьем дворе, а у стен Акрополя, — вспоминал Илья Эрнбург поэта и Надю Хазину в Киевском кафе «ХЛАМ», как женщину с портретов художников эпохи Возрождения, гуляя по волжской набережной ее родины — Саратова.

